

Холодок пробежал по правому боку Шото. Он выпил непомерное количество кофе и завернулся в свитер, чтобы предотвратить последствия чрезмерного использования половины своей матери, но после четырех раундов мгновенного замораживания своих противников и пятого раунда, когда его лед был разбит на части, холод почти ушел до костей. К счастью, его шестой соперник обещал шанс восстановить утраченную жару.

Мидория стоял так далеко вперед, как только мог, явно готовый наброситься на него. Даже с вспомогательным оборудованием Шото знал, что никогда не сможет сократить расстояние между ними, прежде чем все превратится в лед.

«До сих пор Деку провел потрясающий бой, выиграв все пять своих первых матчей! На этот раз, однако, он сражается с Шото, который может сделать гору льда, прежде чем вы успеете моргнуть! Голова-ластик, что ты думаешь об этом матче?»

Соведущий Present Mic грубо сказал: «Я бы не стал ставить против Деку на это».

Плоское, резкое объявление вызвало волну бормотания и пару освистаний из толпы. Шото проигнорировал это. Его классный руководитель отдавал предпочтение Мидории, что было очевидно из всех внеклассных занятий. Возможно, другой студент на его месте был бы обеспокоен этим, но Шото не мог заставить себя

волноваться. Он бы победил, и на этом все бы закончилось.

Присутствующий Мик поморщился и сказал: «Шиш, ты мог бы, по крайней мере, добавить в это немного чутья. Со своей стороны, я бы сказал, что Деку до сих пор

более чем заслужил свои победы, но я не вижу, как он прорвется через весь этот лед. Я полагаю, что есть только один способ выяснить это. Давайте начнем матч!

Готовый? Начинайте!»

По сигналу Настоящего Мика Шото послал волну льда с правой ноги, заморозив все перед собой. К его шоку, Мидория выстрелил по проводам назад и отпрыгнул от

него. Гора льда, которую он сделал, заполнила половину арены, но Мидория прыгнула достаточно быстро, чтобы не попасть в ловушку.

«Посмотри на это, Деку преодолел первое препятствие! Хотя там, откуда это взялось, льда гораздо больше».

Шото доказал правильность слов Present Mic, сделав еще больше льда в направлении Мидории. Один провод схватил арену, а другой ударился о вершину его

айсберга. Мидория высоко взобрался на айсберг и использовал свои провода, чтобы раскачиваться над землей, уклоняясь от ледяных шпилей, когда они

поднимались, и используя их, чтобы маневрировать ближе к Шото.

«Деку перевернул всю эту битву с ног на голову! Он использует тот самый лед, который делает

Шото, чтобы маневрировать по полю!

Ему было неприятно использовать дар своего отца для чего-либо, но таяние собственного льда было единственным исключением, которое он допустил. Учитывая, что

весь этот лед работал только на пользу Мидории, и все это быстро приблизило его к пределу, Шото проглотил свои оговорки и поставил левую ногу на лед. Ледяные шпильки провисали при таянии. Провода Мидории потеряли свою хватку, но он выстрелил снова и снова, чтобы остаться над падающим льдом.

По мере того, как лед таял, Шото снова заморозил всю конструкцию. Фантастические изгибы и поникшие формы, как картина Дали, воображаемая во льду, извивались вокруг арены. Он надеялся поймать один из проводов Мидории, но его противник не пропустил ни одного удара. Его провода нашли покупку через долю

секунды после того, как лед замерз, и, закрепившись на якоре, Мидория бросился вниз. Шото подбросил ледяную стену, но Мидория пробила ее, осыпав их обоих жгучими кусочками льда.

Образовав лед под ногами, Шото соскользнул в сторону. Ему удалось пробраться на несколько футов между ними, но Мидория выстрелил из захвата и скользнул за ним по его собственному льду. Шото попытался растопить лед, когда укладывал его, но его контроль над обеими силами одновременно был в лучшем случае шатким. Лед таял у него под ногами. Шото споткнулся, когда его ноги скользили по бетону. Мидория перешел от скольжения к бегу без колебаний в шаге.

Шото накрылся куполом льда толщиной в фут. Это дало ему около двух секунд, чтобы перевести дух, прежде чем Мидория нанес удар топором прямо в бок. Окунувшись в пласт воды, когда он растопил свой ледяной купол, Шото заморозил себе толстый слой бронежилета. Он треснул под первым ударом и оставил Шото с

ушибленными ребрами.

Мидория попятился. Его охранник выглядел расслабленным, хотя Шото мог сказать, что он был готов выстрелить из своих проводов в любой момент. — Ты

сдерживаешься, — сказал он.

Шото оглядел арену с ее полуупавшей горой льда и разбросанными осколками. «Это похоже на то, что я сдерживаюсь?»

«Если бы вы использовали свой огонь, эта битва уже была бы окончена. Ты замерзнешь до смерти, если будешь продолжать в том же духе».

Получив возможность остановиться и вздохнуть, Шото наконец заметил жгучий холод в правом боку. Его кожа посерела пятнами, и это ощущение исчезло из его

пальцев. Он едва мог сжать их в кулак.

— Он подтолкнул тебя к этому?

«Он хочет, чтобы я проиграла», — сказала ему Мидория достаточно тихо, чтобы это не было услышано микрофонами. «Я не собираюсь доставлять ему

удовлетворение».

— Тогда почему? — спросил Шото. «Ты уже заставил меня использовать его однажды, и ты знаешь, что произошло. Зачем тебе пытаться заставить меня сделать это

снова?

«Потому что должно быть ясно, что я выиграл у всего, что у вас было. Если ты сдержишься, люди скажут, что это единственная причина, по которой я тебя победил. Если ты воспользуешься своим огнем, и я все равно выиграю, они поймут, что я заслуживаю быть здесь».

Шото попытался сделать больше льда, но его кожа горела, когда из него выполз вялый иней. Он сжал левую руку и глубоко вздохнул. «Я не буду использовать свой

огонь. Это слишком опасно для причуды героя. Но я думаю, что это должно быть хорошо».

Тепло вспыхнуло с его левого бока. Вокруг него лед растворился в потоке воды, который пронесся мимо его лодыжек. Воздух мерцал, и вода пузырилась, приближаясь к точке кипения. Его кожа болезненно покалывала, когда температура быстро повышалась, но Шото приветствовал это ощущение. Его правая сторона

снова почувствовала себя живой, когда кровь вернулась в онемевшие пальцы.

Мидория попятился, когда в него вонзились ледяные копья. Лед поднимался в беспорядочных формах, когда Шото сосредоточился на том, чтобы прижать его и дать

ему ужасные углы для качания. Даже несмотря на бурную планировку поля, Мидория все же нашла способ проскочить между ледяными конструкциями. Шото позволял своей левой стороне изливать тепло, в то время как он использовал правую, чтобы формировать все больше и больше льда. Столбы торчали во все стороны,

стремясь сбить Мидорию с воздуха, но он использовал их только как трамплины, перепрыгивая с одного на другой, кружа вокруг Шото.

Когда на пути Мидории появился столб, он пнул его ногой. Проволока выстрелила, чтобы схватить один из падающих кусков. Используя свой собственный импульс, Мидория швырнул лед вперед достаточно сильно, чтобы врезаться в грудь Шото. Он разрушил слой льда, охранявший его левый бок, и отбросил его на несколько шагов назад. Когда Шото встал на ноги, еще один кусок льда нашел свой след на его бедре. Удар заставил его встать на колено.

В панике Шото окружил себя льдом. Когда он встал, нога Мидории пробилась насквозь. Проволока подняла кусок льда и вонзила его ему в плечо. Другой хлыст

схватил его за правую лодыжку и выдернул ее из-под него. Шото сделал целый слой льда и сдвинул его под себя, толкнувшись обратно к краю арены. Кусок за

куском льда летели за ним, ударяя по рукам и ногам, когда он отчаянно уклонялся от натиска.

Направляя больше энергии в левый бок, Шото сделал воздух достаточно горячим, чтобы растопить меньшие куски, летящие на него, и смягчить воздействие более

крупных. Однако жара растопила его лед, и Мидория побежала, чтобы сократить дистанцию.

За этим последовал шквал ударов ногами и руками, хлыстами и брошенным льдом, которые заставили Шото почувствовать себя одной из боксерских груш его Индевора. Несмотря на то, что Индевор был готов оставлять синяки во время своих тренировок, Шото также знал, что он всегда сдерживался, что если Индевор

действительно хотел сломать кости, от него не останется ничего, кроме кровавого мазка на огнеупорных ковриках татами.

Мидория сдерживалась, но только незамедлительно. Каждый удар ощущался на грани треска ребер, независимо от того, сколько льда он вложил между собой и

ударом. Каждый кулак находил брешь в его доспехах, и каждый кусок льда, брошенный проволокой, находил его, когда он меньше всего этого ожидал. Однажды,

когда он поймал проволоку, извивающуюся куском размером с софтбол, он бросил столб рядом с собой, только для того, чтобы проволока обогнула препятствие и

ударила льдом в другое плечо. Когда Мидория вела его по тающему ледяному пространству, Шото почувствовал, как каждый дюйм кожи под его шеей начал

покрываться синяками, а кровь просочилась из бесчисленных рваных ран по всей длине его рук.

Так увлекшись защитой от натиска, Шото забыл продолжать выделять тепло. Его рука онемела настолько, что он даже не почувствовал, как лед и удары ногами

врезаются в нее. Пятна плавали перед его глазами, и каждый шаг казался более шатким, чем предыдущий.

Его задняя пятка соскользнула с края. Мидория подставил ногу в удар ногой с разворота, когда он выстрелил проволокой в сторону. В панике Шото поднял левую

руку. Огонь расцвел из кончиков его пальцев, прежде чем он смог его остановить.

Если бы Шото не примерзнул ногами к арене, он был бы снесен внезапной сотрясающей силой быстро нагретого воздуха. Как бы то ни было, он почувствовал, как его лодыжки протестуют под ним, хотя он не осмелился упасть на колени. Пар дрейфовал густым облаком перед ним, заслоня остальную часть арены.

Толпа замолчала, и даже у Present Mic не нашлось слов. Шото сделал нерешительный шаг вперед, затем еще один, отчаянно ища хоть какие-то признаки своего

одноклассника в густом тумане. — И-Изуку? — прошептал Шото. "Я - я не хотел..."

Порыв ветра пронесся по арене, рассеивая пар. Мидория хватался за проволоку, пристегнутую слева и справа от него, которая была протянута до другой стороны

арены. Другая его рука потянулась назад, держась за вторую проволоку, которая тянула его назад. Половина его костюма была опалена, обнажая покрасневшую,

кровоточащую кожу под ним. Ключья волос сгорели вместе с одной из его бровей.

«Удар из рогатки!»

Шото взобрался на стену толщиной в два фута. Мидория разбил его насквозь. Его ботинок соединился с животом, сломал лед вокруг лодыжек и отправил Шото за пределы дозволенного.

Руки Мидории отдернулись назад и выстрелили проводами с обеих сторон. Он выпрямился, прежде чем спуститься вниз, чтобы проверить Шото.

Шото поднял глаза, ожидая увидеть отца в ярости. Он понятия не имел, что делать с созерцательным выражением лица или его вниманием к повтору, когда Деку подпрыгнул в воздухе.

Чиё наблюдала за последним раундом спортивного фестиваля из своей клиники на стадионе. У нее уже был Бакуго, который лечил тяжелые ожоги на руках из-за

того, что он выбрался из ледяной горы, а Одзиро держал бинты над длинными выбоинами, оставленными Темной Тенью в его хвосте, и теперь у нее было еще два

ученика, которых нужно было перевязать, прежде чем она отправит их обратно в мясорубку. Вздохнув, Чиё принесла несколько теплых полотенец на случай легкого

обморожения, которое, как она знала, она увидит через несколько минут.

Она пропустила конец раунда, но, увидев, что Тодороки упал на Мидорию, у которой сгорела половина костюма и истекала кровью по всему полу, она рассказала ей

все, что ей хотелось знать о том, как закончился бой.

— Кровати, сейчас, — огрызнулась она, доставая свежий рулон бинтов и мазь от ожогов. Сначала она проверила Тодороки. Каждый участок кожи между ключицей и

бедром был либо в синяках, либо в царапинах, либо и в том, и в другом. Несколько быстрых и осторожных движений по его руке и груди, по крайней мере, не

обнаружили сломанных костей.

— Спасибо, Мидория-кун, что ничего не сломала, — сказала она, рассматривая его. Ожоги выглядели неприятно, но костюм не позволял худшему из них повлиять на

него, но большая часть его груди все еще была сердито красным на грани волдырей. Мазь осталась неиспользованной, так как у него было слишком много порезов и царапин от уклонения от ледяных столбов, чтобы безопасно ее применить. «Хотя в следующий раз постарайтесь не брать огненный шар в лицо».

— Никаких обещаний, — ответила Мидория без всякого веселья. «Пожалуйста, не используйте свою причуду, подождите до конца».

Чиё подняла бровь. «Ты истекаешь кровью по всей кровати. Я не могу позволить тебе вернуться туда вот так».

— Со мной все будет в порядке.

«Вы можете сказать это после того, как у вас есть медицинское образование и сорокалетний опыт лечения героев. Теперь ложись и позволь мне исцелить тебя».

«Я не смогу встать, если ты это сделаешь. Мне нужно закончить это. После награждения все

будет хорошо».

Чиё уже собиралась прекратить свои возражения, когда ее мысли вернулись к частной встрече с Незу и другими избранными сотрудниками. Мидория видела

будущее. Даже если бы она попыталась удержать его здесь, она не сомневалась, что он как-нибудь выберется из этого. Может быть, Незу, или он может просто

выбежать, прежде чем она успеет среагировать.

Тяжело вздохнув, Чиё выудила горсть жевательных резинок. «Вот, по крайней мере, возьмите эти. Они притупят боль».

— Спасибо, — Мидория положила жевательные конфеты в карман и вышла за дверь.

Чиё нахмурилась, увидев его уход. Его движения не были движениями свежего студента, с легкими вздрагиваниями и вялой хромотой, когда они боролись со своими

травмами. Он двигался, как опытный герой, привыкший преодолевать боль. Подумав об этом, она отправила быстрое сообщение Гончей Собаке и порекомендовала Незу еще одну встречу с ним.

Даже с громкостью, близкой к нулю, Чиё взглянул на экран, когда зрители, показанные там, разразились аплодисментами. Бакуго с дикими глазами и оскаленными

зубами смотрел вниз на Изуку, который носил то же нейтральное выражение, что и его Причуда на его лице в течение последних десяти лет.

Чиё пошла выкопать из шкафа лишний тюбик с мазью от ожогов и мрачно пробормотала: «Если у меня закончатся эти вещи, я загорю обе их шкуры».

Тишина, заполнившая конференц-зал Рикии, была достаточно холодной, чтобы заморозить азот. На отдельных экранах повторы матча между Шото и Деку давали

пошаговую инструкцию всего матча. У него был доверенный член MLA, который прочесывал отснятый материал в поисках любого намека на нечестную игру, в

которой он мог бы инкриминировать Мидорию. Рикия обратил внимание на свой пустой стакан для сакэ. Поражение Шото оставило горький привкус во рту, и он

раздумывал, хочет ли он испортить свое сакэ, пытаясь прогнать его.

«Будь проклята эта крыса», — прорычал один из руководителей MLA. «Именно поэтому он позволил использовать вспомогательные предметы. Он издевается над Причудами».

Рикия пожала плечами. «С таким же успехом можно было бы указать, что Шото нанес себе увечья, вообще не используя никакого оборудования. Если бы у него было

что-то, что могло бы улучшить его выносливость или генерацию льда, точно так же, как Мидория нуждался в своем снаряжении, чтобы улучшить свою скорость и

пробивную способность, результат был бы таким, каким он должен был. Все будут знать, что Мидория выиграл только благодаря своей экипировке, и что без нее он

ничто». Он оглянулся через плечо. «Кстати, какова ситуация в социальных сетях?»

Другой член MLA, у которого было четыре разных ноутбука, покачал головой. Рука и нога быстро печатали на каждой клавиатуре, когда мужчина одновременно

управлял четырьмя учетными записями. «Тенденция #QuirklessCheater замедляется, и #QuirklessPower и #HeroDeku взорвались за последние пять минут. Ролик боя поднялся пять минут назад, и у него уже сто тысяч просмотров. Мы по-прежнему получаем поддержку, но только от наших верных сторонников. Широкая

общественность очень благосклонна к Мидории».

«Ну, это больше не будет иметь значения». На главном экране Деку и Граунд Зиро сражались друг с другом, а Present Mic раздувал предстоящую битву. «Как только

он умрет, мы сможем замести весь этот беспорядок под ковер».

Ни один из людей в этой комнате не подумал спросить, что произойдет, если Деку выживет в их заговоре. В конце концов, они твердо верили, что люди без причуд

уступают во всех отношениях, и никакие доказательства обратного не изменят их мнения.

Шуте совсем не понравился вид ожогов Мидории. До сих пор ему удавалось подавить любые мятежные мысли о попытках обуздать поведение проблемного ребенка, настаивая на том, что он доверяет суждению Незу. Однако, увидев, как Мидория охотно бросается во взрыв и использует силу, чтобы выстрелить из рогатки прямо в источник указанного огня, Шута не смог удержаться от того, чтобы не выскочить из будки диктора, несмотря на протесты Настоящего Микрофона, и направиться прямо в комнату наблюдения Незу.

Он знал, что сейчас не лучшее время для разговора. Руководители Ассоциации Героев сидели вокруг директора, пробуя закуски, разбросанные по столам, и

наслаждаясь самым дорогим чаем Незу. На широком экране происходящее на арене отображалось с фотореалистичным разрешением, достаточным, чтобы его можно

было принять за окно.

«Можно мне слово? Мне нужно обсудить возможное нарушение безопасности вокруг арены».

Это вызвало бормотание и спекулятивные взгляды среди членов правления, но Незу отмахнулся от этой новости. «Обычное дело, джентльмены, пожалуйста, продолжайте наслаждаться прохладительными напитками, пока я осматриваю дело».

Как только они оказались на достаточном расстоянии от потенциальных подслушивающих, Незу связал свою одежду и устроился в своем шарфе. Выражение его лица приобрело стальной блеск, когда он спокойно сказал: «Тебе лучше иметь вескую причину перебивать».

— Речь идет о Мидории.

Незу вздохнула. «Я боялся этого. По крайней мере, вы были достаточно благоразумны, чтобы не упоминать его по имени перед ними. Они достаточно взволнованы его

выступлением, и некоторые из них достаточно умны, чтобы понять, что время вашего визита не случайно».

«Я думаю, что вы должны попросить Recovery Girl вытащить его из конкурса. Он по-прежнему явно не заботится о собственном благополучии».

«Я позволю Recovery Girl самостоятельно решать, как поступить с его делом. Если она спросит мое мнение по этому поводу, то я его выскажу».

Шута почувствовал, как его кровь закипела. «И это мнение...»

«Что ему должно быть позволено продолжать без вмешательства».

«Ты не можешь быть серьезным. Раньше мы запрещали студентам с его степенью психологических проблем участвовать в соревнованиях. Он убьет себя такими темпами».

«Если бы это был любой другой студент, я бы с вами согласился. Его Причуда связывает мне руки. Любое вмешательство, которое я попытаюсь запустить, будет

обойдено. Лучше пустить все на самотек и довериться ему, чтобы он посоветовался с нами, если это окажется слишком сложным для него».

«Он уже показал один раз, прежде чем он готов убить себя за свои героические трюки. Откуда мы можем знать, что он не сделает то же самое сегодня?»

«У меня есть Всемогущий в режиме ожидания. У него остались все часы, и он сидит в гражданском кресле. Злодеи этого не ожидают».

— А если злодеи не появятся?

Незу пожал плечами. «Тогда злодеи не появятся, и мне придется предугадать следующий шаг Мидории. Спортивный праздник явно достаточно важен для него, чтобы

попытаться убедить меня изменить правила. Если это не сам фестиваль, то само собой разумеется, что стажировки являются реальным приоритетом. Тем не менее, могут быть последствия, которые даже он сам не до конца понимает, эффект бабочки, который распространяется из, казалось бы, незначительных моментов. Может

быть, даже он просто не знает, почему он делает то, что делает, только то, что это предотвращает какие-то ужасные последствия».

«Это не оправдывает того, чтобы позволить ему причинить себе боль. Мы должны что-то делать».

«Что бы вы хотели, чтобы я сделал? Неужели Всемогущий схватил его и держал взаперти в наручниках, подавляющих причуды? Незу закатил глаза. «Это не вызовет никаких вопросов».

— Это лучше, чем позволить ему покончить с собой?

«Разве? Потому что в тот момент, когда кто-то узнает, на что способна его причуда, у него на спине будет массивная мишень. Даже с такой могущественной

причудой, как его, если кому-то удастся придумать сценарий, который совершенно неизбежен,

с помощью чрезмерной силы или неизбежной причуды, то Мидория

станет жертвой всего, что эти люди захотят с ним, а все остальные, в свою очередь, станут жертвами того, на что способна эта причуда. В умелых руках эта Причуда могла бы поработить мир».

Шута скрежетал зубами. «Должно быть что-то, что мы можем сделать».

«Мне это нравится не больше, чем тебе. Я много думал над этой проблемой, и мне еще предстоит найти способ помочь ему помимо того, что мы делаем». Незу

спрыгнул со своего насеста и поправил костюм. «Поверьте мне, в тот момент, когда я подумаю о том, как обуздать его причуду и дать ему надлежащую

консультацию, не рискуя, что он станет изгоем над нами, я дам вам знать».

Слов Незу было недостаточно. Он слышал их снова и снова и даже говорил себе ту же логику. Ему нужно было поговорить с Мидорией. Он спрыгнул вниз по лестнице и позволил шарфу контролировать его падение, достигнув нижних этажей за считанные секунды. Однако, направляясь к офису Recovery Girl, он встретил Мидорию,

направляющуюся к арене.

Он выглядел хуже, чем предполагали экраны. Запекшаяся кровь покрывала большую часть его туловища, свежие ручейки впитывались в его костюм, а половина его лица была покрыта синяками. Несмотря на свои травмы, Мидория ходил легко, не чувствуя боли.

— Девушка-выздоровливающая отпустила тебя? — спросил Шута.

«Она это сделала», — сказала Мидория. «Я исцелюсь после церемонии награждения».

Легкое увольнение беспокоило Шуту. Это не было похоже на то, чтобы Сюдзэндзи позволял студентам возвращаться на поле с открытыми ранами. Ему придется

поговорить с ней позже и посмотреть, честно ли Незу позволил ей самому решать его здоровье.

Он почувствовал, как окно возможностей закрылось, когда между ними потянулась тишина. Ему нужно было что-то сказать, попытаться заставить его вразумиться, но что он мог сказать? Он знал, что его ученик проигнорирует любой совет позаботиться о себе, и сказать, что фестиваль не имеет значения, было бы полной ложью. Производительность не будет проблемой для тех, кто уже знал исход матча. На этой ноте, будет ли вообще иметь значение, что он сказал, если Мидория уже знал,

что он собирается сказать, и все еще уже решил, что он собирается делать?

Догадки о себе ни к чему его не приведут. Он должен был что-то сделать, поэтому он это делает.

Он опустился на колени, поставив себя на уровень глаз со своим учеником, и положил руку ему на плечо. — Я хочу, чтобы ты знала, Мидория-кун, что я беспокоюсь

о тебе.

— Тебе не о чем беспокоиться, — возразила Мидория, — со мной все будет в порядке.

«Я беспокоюсь, что ты недостаточно заботишься о себе, чтобы иметь какое-либо разумное определение штрафа. Это, — сказал он, указывая на ожоги и порезы Мидории, — не в порядке.

«Герои получают травмы в среднем три раза в год. Это часть работы».

«Это не делает его нормальным». На мгновение Шута задумался, стоит ли ему все рассказывать Мидории, откуда они узнали о его Причуде и что они намерены с этим

делать, но он слышал, как Незу шепчет о возможных последствиях в глубине души, и рациональная часть его самого не могла отрицать риски. «Только, пожалуйста, не давите слишком сильно. Ты бы умерла, если бы не Всемогущий в прошлый раз, и он не всегда будет рядом, чтобы спасти тебя.

Шута надеялся на какую-то реакцию, но его слова не вызвали ни малейшего проблеска эмоций.

«Я буду осторожен», — сказал он с недостаточной убежденностью,

которая вонзила нож в живот Шуты. «Если вы меня извините, я должен вернуться туда, пока не опоздал».

Как только его ученик ушел, Шута упал спиной к стене, сжав кулаки и проклиная себя за то, что был бессилен спасти одного ученика прямо перед ним.

<http://tl.rulate.ru/book/53509/3243220>